

въ романѣ ¹⁾; «топливо, по выраженію одного рецензента, заглушило пламя». Дж. Эліоту не удалось вдохнуть въ свою широко-задуманную историческую картину ту жизнь, которая присуща ея простѣйшимъ эскизамъ изъ родного быта; ту поэзію и свѣ-жесть, которыми дышатъ ея главные романы. Замѣчательно также, что юморъ, область, въ которой она царитъ на англійской землѣ, ускользаетъ изъ ея рукъ на чужбинѣ. Всѣ попытки въ этомъ направленіи неудачны въ «Ромолѣ»; болтовня цирюльника и его кліентовъ, всякія флорентинскія шутки и остроги наводятъ скуку или досаду. Почитатели Дж. Эліота особенно горевали объ утратѣ этой симпатичнѣйшей стороны ея таланта и боялись, что разъ уклонившись въ историческія дебри, она уже не вернется къ прежней простотѣ и естественности.

«Феликсъ Гольтъ» (1866) въ значительной мѣрѣ оправдалъ эти опасенія. Несмотря на очаровательную вступительную картину путешествія въ дилижансѣ въ доброе старое время (гдѣ Дж. Эліотъ какъ будто возвращается домой), въ этомъ романѣ, съ политической и общественной тенденціей, нѣтъ прежней простоты, а напротивъ, много дѣланнаго въ завязкѣ и развязкѣ, равно и въ драматическихъ положеніяхъ главныхъ лицъ. Одинъ диссидентскій проповѣдникъ м-ръ Лайонсъ и маленькій Тоджъ нарисованы прежней кистью. Новыя вѣянія въ средѣ рабочихъ не изображены достаточно наглядно и опредѣленно. Самъ Феликсъ Гольтъ (радикалъ) составленъ по извѣстному рецепту изъ разныхъ свойствъ, не совсѣмъ ладающихъ между собой, съ замѣтнымъ излишкомъ неотесанности. Цѣльнаго характера или живого лица въ немъ нельзя признать. Всего лучше и естественнѣе бываетъ онъ въ обществѣ мальчугана Тоджа, который оказываетъ благотворное вліяніе и на маменьку радикала (сцена въ саду сквайра). Въ прочихъ же случаяхъ миссисъ Гольтъ представляетъ неудачную разновидность ноющихъ, упрямыхъ и тупоумныхъ бабъ, способныхъ вывести изъ себя не только злополучныхъ домочадцевъ, но и читателя. Эдитъ — изящная барышня и безупречная героиня, но почему-то оставляетъ насъ холодными зрителями ея благороднаго самосотверженія. Г-жа Тренсомъ — нѣкогда преступная жена, а теперь несчастная мать — не столько «характеръ», сколько назидательный и страшный урокъ, въ лицѣ бѣдной сѣдой леди, казнимой за грѣхи молодости. Дж. Эліотъ поставила ее въ безвыходное положеніе между самодовольнымъ

¹⁾ Вслѣдствіе этихъ соображеній, въ „Отеч. Запискахъ“ 1864 г. былъ помѣщенъ переводъ „Ромола“, гдѣ сохранено все, касающееся главныхъ лицъ и исключены подробности, „замедляющія дѣйствіе“.